

УДК 343.35

DOI: 10.17223/22253513/36/3

В.Н. Борков, К.Д. Николаев

ПРОБЕЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА НЕ МОГУТ КОМПЕНСИРОВАТЬСЯ НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ КВАЛИФИКАЦИИ

Применение уголовного закона к конкретным случаям позволяет обратить внимание на существующие пробелы и недостатки уголовно-правового регулирования. В статье рассматривается сложная проблема квалификации провокации взятки (ст. 304 УК РФ), а также фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ), повлекших тяжкие последствия, выразившиеся в незаконном уголовном преследовании или длительном лишении свободы. Критическому осмыслению подвергается практика вменения виновным наряду с одной из специальных норм (ст. 304 УК РФ, ч. 4 ст. 303 УК РФ) статьи, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, повлекшее тяжкие последствия (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Ключевые слова: провокация взятки, фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности, превышение должностных полномочий, тяжкие последствия, конкуренция уголовно-правовых норм.

Правильная квалификация гарантирует легитимность уголовно-правового воздействия, наиболее полно раскрывает его предупредительный и карательный потенциал. Но часто именно применение уголовного закона к конкретным случаям позволяет обратить внимание на существующие пробелы и недостатки уголовно-правового регулирования. При квалификации преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, возникают сложные проблемы разрешения конкуренции общей и специальной норм, которые ранее в теории уголовного права не исследовались. Комментарии требуют ситуации, когда ни текст специальной нормы, ни ее санкции не предусматривают тяжких последствий, которые наступили в результате совершения посягательства. В своем обращении в Конституционный Суд РФ гражданин Д.А. Сугробов, ставя вопросы о конституционности ряда уголовно-правовых норм, фактически указывает на неверное применение правил конкуренции при квалификации преступлений. В частности, по мнению заявителя, совершенные им одни и те же действия были ошибочно квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ст. 304 УК РФ, которые соотносятся как общая и специальная нормы, что противоречит ч. 3 ст. 17 УК РФ. Также Д.А. Сугробов считает, что следующее за «провокацией взятки» незаконное привлечение «спровоцированных» лиц к уголовной ответственности, их задержание, незаконное заключение под стражу и содержание под стражей, которые были признаны тяжкими последствиями

превышения должностных полномочий, «возникают исключительно от действий лиц, осуществляющих уголовное преследование» [1].

Не вступая в дискуссию относительно виновности следователей в необоснованном применении мер государственного принуждения к лицам, потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует признать достаточно сложным вопрос об учете вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, при квалификации действий оперативных сотрудников, совершивших «провокацию». В определении Конституционного Суда разъясняется: «Имея в виду логику построения уголовного закона, включая общие и специальные, а равно обычные и квалифицированные его составы, отсутствие в статье 304 УК РФ такого отягчающего ответственность признака, как совершение провокации взятки или коммерческого подкупа с использованием должностного (служебного) положения (признака, объективно делающего деяние более опасным, чем обычная такая провокация), не позволяет предположить, что провокация взятки или коммерческого подкупа должна поглощать преступление, предусмотренное частью третьей статьи 286 данного Кодекса, при их сопряжении в содеянном, а принимая во внимание максимальное наказание в санкции этой нормы (лишение свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет) в сравнении с санкцией его статьи 304 (лишение свободы на срок до пяти лет с лишением указанного права на срок до трех лет или без такового), нет оснований исходить из того, что законодатель предполагал уменьшить ответственность за более опасное преступление только лишь потому, что оно выразилось в такой провокации» [1].

Утверждение, согласно которому в каждом случае совершения должностным лицом преступления, в составе которого отсутствует прямое указание на использование субъектом своего служебного положения, действия виновного должны быть дополнительно квалифицированы еще и как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), является спорным. Наиболее очевидна ошибочность такого подхода, когда речь идет о сотрудниках органов внутренних дел. По общему правилу признаки преступления могут иметь значение для квалификации, а также учитываться при назначении наказания, если они предусмотрены в основном или квалифицированном составе. При совершении провокации взятки сотрудником органов внутренних дел особенности субъекта будут учтены путем констатации наличия обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В противном случае наличие данной нормы не имеет смысла.

Фактически смежной нормой по отношению к ст. 304 УК РФ является ч. 4 ст. 303 УК РФ, предусматривающая ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления,

либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2017 г. за совершение преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, были осуждены 6 человек, а ч. 4 ст. 303 УК РФ – 14 (форма № 10-а). В отличие от ст. 304 УК РФ, субъект которой прямо в законе не определен, исполнителем преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, выступает лицо, «уполномоченное на проведение оперативно-розыскных мероприятий». Таким образом, при фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности уже учтено использование виновным служебного положения как «признака, объективно делающего деяние более опасным». При этом в ст. 304 УК РФ максимальное наказание в виде лишения свободы предусмотрено на срок до пяти лет, а в ч. 4 ст. 303 УК РФ – до четырех лет.

Считаем, что провокация взятки (ст. 304 УК РФ) является частным случаем фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ). Статья 304 УК РФ предусматривает ответственность за попытку передачи должностному лицу без его согласия материальных ценностей, т.е. их физическое «подкладывание», в целях искусственного создания доказательств совершения преступления. Провокация взятки (ст. 304 УК РФ) совершается в целях искусственного создания доказательств совершения преступления. Но это не означает, что совершение данного посягательства только предшествует, например, фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности. Подобным образом разбой, представляющий собой нападение в целях хищения чужого имущества (ст. 162 УК РФ), не предшествует хищению, а является таковым.

Часто в основе фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности лежит именно провокация, а точнее, провокационно-подстрекательские действия. Заметим, термин «провокация» не соответствует существу преступления, предусмотренного в ст. 304 УК РФ. При его совершении никто никого ни на что не провоцирует, виновный только имитирует получение взятки потерпевшим, хотя никто ничего не получает. Правильно под провокацией преступлений понимать прямое или косвенное склонение лица к совершению действий, запрещенных уголовным законом, в целях последующего привлечения к ответственности. Действующее законодательство однозначно запрещает сотрудникам правоохранительных органов провоцировать граждан на совершение преступлений, поэтому полученные путем провокации «результаты» оперативно-розыскной деятельности являются сфальсифицированными. Субъект преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, фальсифицирует результаты оперативно-розыскной деятельности «в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления». Поэтому требует разрешения проблема учета вреда, причиняемого потерпевшему от незаконного уголовного преследования, и возможности квалификации действий виновного по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 303 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

С точки зрения Е.Г. Быковой и С.А. Яшкова, в случае подбрасывания должностным лицом потерпевшему наркотических средств «...содеянное надлежит оценивать по совокупности двух преступлений – как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) либо фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) и как соответствующее преступление против здоровья населения и общественной нравственности» [2. С. 27]. Высший орган конституционного контроля, напротив, допускает вменение оперативным сотрудникам кроме ч. 4 ст. 303 УК РФ еще и статьи, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, повлекшее тяжкие последствия, для того чтобы именно эти последствия учесть. Последние, в частности, могут состоять в продолжительном применении к спровоцированному меры пресечения в виде заключения под стражу, а также в последующем незаконном осуждении. «Нет оснований исходить из того, – отмечается в определении Конституционного Суда РФ от 5 июня 2018 г. № 1404-О, – что законодатель предполагал уменьшить ответственность за более опасное преступление только лишь потому, что оно выразилось в такой провокации» [1]. Считаем, что при решении сложных вопросов квалификации в первую очередь следует руководствоваться буквой закона, а уже затем обращаться к предположениям и намерениям законодателя. Нельзя исправлять противоречащей доктринальным правилам квалификации ошибки законодателя, не предусмотревшего по аналогии с фальсификацией доказательств (ч. 3 ст. 303 УК РФ), тяжких последствий от фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности.

Например, в соответствии со ст. 24 УК Киргизской Республики, устанавливающей специальные правила квалификации преступлений, «в случае, когда в результате совершенного лицом умышленного или неосторожного преступления наступил особо тяжкий вред, который прямо не указан в качестве признака состава преступления, квалификация осуществляется по статье (части статьи) Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей совершенное лицом деяние, и по соответствующей статье... предусматривающей ответственность за убийство или причинение смерти по неосторожности, доведение до самоубийства либо склонение к самоубийству». Но если ч. 4 ст. 303 УК РФ и ст. 304 УК РФ предусматривают специальные виды должностного превышения (ст. 286 УК РФ), то подразумеваемые киргизским законодателем нормы не являются специальными по отношению к убийству или причинению смерти по неосторожности. Статья 22 УК КР, так же как и ч. 3 ст. 17 УК РФ, указывает на недопустимость квалификации одного деяния по двум статьям, предусматривающим ответственность за общую и специальную норму.

С другой стороны, если превышение должностных полномочий рассматривать как общую норму по отношению к фальсификации результатов оперативно розыскной деятельности, а следствием такой фальсификации стало самоубийство потерпевшего, то можно ли здесь говорить о конкуренции, ведь содеянное полностью охватывается только п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Поводом для такого допущения может служить ч. 1 ст. 22 УК КР, где определено: «Специальной является норма, которая предусматривает ответственность за то же деяние, что и общая, но содержит дополнительные признаки состава преступления, которых нет в общей норме». То есть специальная норма должна содержать все признаки общей, а в ч. 4 ст. 303 УК РФ указание на тяжкие последствия отсутствует. Между тем является ли наличие в реальном посягательстве каких-то не предусмотренных в тексте соответствующей нормы признаков препятствием для ее применения? Главное, чтобы в содеянном содержались все признаки состава инкриминируемого преступления.

В исследуемом аспекте интересен комментарий П.С. Яни к решению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая, руководствуясь правилами конкуренции преступлений, предусмотренных общей и специальной нормами, исключила из квалификации действий лица, ранее осужденного по ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 2 ст. 303 УК РФ, статью о злоупотреблении должностными полномочиями. «Такое решение представляется спорным, – пишет П.С. Яни, – поскольку специальная норма должна иметь больше признаков, нежели общая. В этом же случае как раз наоборот: описание состава должностного злоупотребления включает больше объективных (общественно опасные последствия) и субъективных (мотив в виде корыстной или иной личной заинтересованности) признаков. Тем не менее можно считать, что приведенная позиция в целом закреплена в судебной практике» [3. С. 41].

Соглашаясь с общим подходом, отметим, что общественно опасные посягательства определенного вида часто характеризуются не только признаками, непосредственно указанными в соответствующем составе, но и другими латентными качествами. Латентные признаки преступлений выводятся на основе системного представления об уясняемом составе или имманентно присущи всем посягательствам данного вида. Например, латентным признаком убийства является незаконность причинения смерти, субъективная сторона получения взятки характеризуется корыстной целью, а такие преступления против правосудия, как незаконное привлечение к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), а также фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) и провокация взятки (ст. 304 УК РФ), не могут не иметь корыстной или иной личной заинтересованности. Личная заинтересованность им имманентно присуща. Преступник не может быть освобожден от уголовной ответственности, а чиновнику не может быть «подброшена» «взятка» в интересах общества. Кроме того, все перечисленные посягательства, безусловно, существенно нарушают интересы личности, общества и государства. Об этом убедительно свидетельствуют разъяснения содержания «существенности» нарушения прав субъектов общественных отношений, содержащиеся в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении

должностных полномочий». Но, как было показано выше, проблема конкуренции значительно обостряется, когда последствия от должностного преступления, предусмотренного специальной нормой, явно выходят за рамки существенного нарушения прав потерпевших и соответствуют категории тяжких. А тяжкие последствия предусмотрены только в качестве признака квалифицированного состава общей нормы.

Конкуренция уголовно-правовых норм – это следствие осуществляемых законодателем уточнения и дифференциации ответственности. Конкурировать могут не только нормы, предусмотренные различными статьями УК РФ, специальными по отношению к основным составам являются расположенные в одной статье нормы, описывающие совершение преступления при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах. Но «применение норм Особенной части уголовного закона, – уточняет Конституционный Суд РФ, – закрепляющих квалифицированные составы преступлений, возможно лишь при одновременном установлении как общих (составообразующих) признаков, так и квалифицирующих признаков, учитываемых при дифференциации уголовной ответственности» [4]. Причем сначала преступление квалифицируется по признакам основного состава, а уже затем решается вопрос о наличии имеющих значение для квалификации отягчающих обстоятельств. Трудно отрицать, что квалифицированные составы также содержательны за счет введения специальных, обеспечивающих перепад общественной опасности признаков, но все они уточняют деяние, предусмотренное в основном составе, т.е. в общей норме.

Президиум Тверского областного суда, исключив из квалификации действий оперативных сотрудников п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, разъяснил: «Их противоправное превышение выразилось в оформлении материалов оперативно-розыскной деятельности, содержащих заведомо ложные сведения об обстоятельствах проведения оперативных мероприятий с последующим представлением их в орган предварительного расследования... Ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, предусмотрена ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Данная норма закона является специальной по отношению к ст. 286 УК РФ, которая охватывает все случаи превышения должностных полномочий, поскольку устанавливает уголовную ответственность только за искажение должностным лицом фактических данных, используемых при осуществлении правосудия.

При конкуренции общей и специальных норм уголовная ответственность в силу требований ч. 3 ст. 17 УК РФ наступает по специальной норме... Поэтому президиум считает необходимым переквалифицировать действия каждого из осужденных с п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ на ч. 4 ст. 303 УК РФ, поскольку они, будучи лицами, уполномоченными на проведение оперативно-розыскных мероприятий, совершили фальсификацию резуль-

татов оперативно-розыскной деятельности в целях уголовного преследования лиц, заведомо не причастных к совершению преступления» [5].

Выбор между конкурирующими нормами – это всегда разрешение конкретной правоприменительной ситуации. О конкуренции можно говорить «только применительно к уголовно-правовой оценке конкретного преступления» [6. С. 177]. Но важно понимать, что при квалификации преступлений конкурируют не конкретные общественно опасные посягательства, а уголовно-правовые нормы. Преимущество специальных норм над общими объясняется более высокой степенью «определенности уголовно-правового запрета». С точки зрения А.В. Наумова, указание на «определенность уголовно-правового запрета» должно содержаться в ст. 3 УК РФ, конкретизируя принцип законности [7. С. 94]. Признание фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности и провокации взятки специальными видами превышения должностных полномочий влечет за собой выбор именно этих норм в процессе квалификации. «Важно помнить, – пишет Н.Г. Кадников, – что мы не создаем новой модели преступления, а лишь выявляем элементы и признаки существующей законодательной конструкции для сопоставления с признаками совершенного деяния» [8. С. 17].

Законодатель не предусмотрел наступления тяжких последствий в качестве отягчающего обстоятельства применительно к преступлениям, предусмотренным ч. 4 ст. 303 УК РФ и ст. 304 УК РФ, что свидетельствует об отсутствии дифференциации ответственности за их совершение в процессе квалификации. Наступление таких последствий может быть учтено при назначении наказания (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ). По одному из уголовных дел Верховный Суд РФ разъяснил: «Поскольку часть четвертая статьи 303 УК РФ не предусматривает в качестве признака данного преступления совершение его группой лиц по предварительному сговору, суд обоснованно признал данное обстоятельство отягчающим наказание...» [9].

То, что законодатель не учел какого-то особого направления развития общественной опасности уже запрещенного им посягательства, не дает правоприменителю права компенсировать недостатки уголовного закона построением нарушающих основополагающие начала формул квалификации. Преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 303 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, не могут образовывать идеальной совокупности, а реальная совокупность возможна только в случае, когда субъект кроме фальсификации доказательств совершает другие действия, явно выходящие за пределы его должностных полномочий. Так, Московский областной суд определил: виновные «...помимо фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, совершили незаконное задержание и доставление [ФИО] в отдел полиции, что является превышением их должностных полномочий, выходит за рамки состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 303 УК РФ, и требует дополнительной квалификации по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ» [10]. Квалификация деяния должностного лица по двум нормам предполагает отдельное назначение наказания за каждое из них. В случае, когда

идеальная или реальная преступлений явно отсутствует, «двойная» квалификация будет противоречить принципу справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Следует согласиться с тем, что в ряде случаев дифференциация ответственности не посредством квалификации, а в рамках санкции соответствующей нормы может не обеспечить справедливого наказания. Причиной тому являются пробелы отражения в уголовно-правовых нормах существенных перепадов общественной опасности реально совершаемых посягательств, недостаточная социальная обусловленность уголовного закона. Между тем отсутствие дифференциации ответственности за совершение преступления в зависимости от непосредственных или отдаленных тяжких последствий не может быть основанием для нарушения доктринальных правил квалификации или компромиссного к ним отношения. Фиксация существенных перепадов общественной опасности вредоносного поведения находится в исключительной компетенции законодателя, следовательно и судья обязаны правильно применить уголовный закон.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 05.06.2018 № 1404-О // СПС «КонсультантПлюс».
2. Быкова Е.Г., Яшков С.А. Уголовно-правовая оценка действий должностных лиц по инсценировке преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров // Уголовное право. 2017. № 2. С. 26–32.
3. Яни П.С. Вопросы квалификации преступлений // Законность. 2018. № 11. С. 42–46.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шерманова Евгения Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом «в» части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2221-О // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Президиума Тверского областного суда от 28.11.2016 по делу № 44у-162/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Проблемы квалификации преступлений / под ред. К.В. Образиева, Н.И. Пикурова. М. : Проспект, 2018. 460 с.
7. Наумов А.В. Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88–94.
8. Уголовное право России : учебник : в 2 т. / под ред. Н.Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018. Т. 2: Особенная часть. 836 с.
9. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 03.03.2016 № 44-АПУ16-1 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 19.06.2017 по делу № 10-8920/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Borkov Victor N., Nikolaev Konstantin D., Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation)

VIOLATION OF THE RULES OF QUALIFICATION CANNOT COMPENSATE GAPS IN THE CRIMINAL LAW

Keywords: provocation of bribery, falsification of the results of operational and investigative activities, abuse of office, serious consequences, competition of criminal law norms.

Correct qualification guarantees the legitimacy of criminal and legal influence, most fully reveals its preventive and punitive potential. But often it is the application of criminal law to specific cases that allows us to draw attention to the existing gaps and shortcomings in criminal law regulation. The authors consider the complex problem of the qualification of provocation of bribery (Article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation), and falsification of the results of operational and investigative activities (Part 4, Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation), which caused serious consequences resulted in illegal criminal prosecution or prolonged imprisonment. Critically tested is the practice of charging the guilty with one of the special norms (Article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 4, Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation) along with the article providing for the responsibility for the abuse of office, which caused serious consequences (Item «В», Part 3, Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation). Violation of the rules, when a single act of an official is qualified by both the special and the general norm, is explained by the need to take into account the serious consequences of operational provocation. Unlike falsification of evidence, where the onset of serious consequences is provided for as an aggravating circumstance (Part 3, Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation), liability is not differentiated concerning falsification of the results of operational and investigative activities. But the unaccounted by legislators manifestation of public danger of the already prohibited infringement does not give the law enforcers the right to compensate the shortcomings of criminal law by building the qualification formulas which violate its fundamental beginnings. Crimes under Article 4. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and Item «В», Part 3, Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation, cannot form the ideal totality. And the real totality is possible only when the subject, besides falsification of evidence, commits other actions that go beyond his official powers. The occurrence of serious consequences after the provocation of bribery or falsification of the results of operational and investigative activities can be taken into account in the sentencing of the guilty official (Item «В», Part 1, Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation). It should be agreed that sometimes the differentiation of liability, not through qualifications but within the framework of the sanction of the relevant norm, may not provide a fair punishment. The reason for this is the gaps in the reflection in the criminal norms of significant variations in the public danger of actual encroachments, the insufficient social conditioning of the criminal law. Meanwhile, the legislators' incorrect assessment of the public danger of a crime, the lack of differentiation of liability for its commission depending on the immediate or remote serious consequences, cannot serve as the grounds for violation of doctrinal rules of qualification or compromise attitude.

References

1. The Russian Federation. (2018) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 05.06.2018 № 1404-О* [Definition No. 1404-О of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 5, 2018]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=543167#07593738798504868>
2. Bykova, E.G. & Yashkov, S.A. (2017) Ugolovno-pravovaya otsenka deystviy dolzhnostnykh lits po instsenirovke prestupleniya v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv ili ikh prekursorov [The criminal legal assessment of the actions of officials to stage a crime in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 26–32.
3. Yani, P.S. (2018) Issues of qualification of crimes. *Zakonnost'*. 11. pp. 42–46. (In Russian).
4. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2018) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Shermanova Evgeniya Vasil'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chast'yu pervoy i punktom "v" chast'i tret'ey stat'i 286 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.09.2018*

№ 2221-О [On refusal to consider the complaint of citizen Shermanov Evgeny Vasilyevich about the violation of his constitutional rights by Part One and Clause “v” of Part Three of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation: Decision No. 2221-О of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 27, 2018]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=557742#01466172388163849>

5. The Tver Regional Court. (2016) *Postanovlenie Prezidiuma Tverskogo oblastnogo suda ot 28.11.2016 po delu № 44u-162/2016* [Decision in Case No. 44u-162/2016 of the Presidium of the Tver Regional Court dated November 28, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=835690#017445589645052606>

6. Obrazhiev, K.V. & Pikurov, N.I. (2018) *Problemy kvalifikatsii prestupleniy* [Problems of Crime Qualification]. Moscow: Prospekt.

7. Naumov, A.V. (2018) *Konkretizatsiya Konstitutsionnym Sudom printsipa zakonnosti Ugolovnogo kodeksa RF* [Specification by the Constitutional Court of the principle of legality of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 88–94.

8. Kadnikov, N.G. (2018) *Ugolovnoe pravo Rossii* [Russian Criminal Law]. Vol. 2. Moscow: Yurisprudentsiya.

9. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 03.03.2016 № 44-APU16-1* [Appeal Decision No. 44-APU16-1 of the Supreme Court of the Russian Federation of March 3, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=455630#00425541861943306>

10. The Moscow City Court. (2017) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 19.06.2017 po delu № 10-8920/2017* [Appeal Decision of the Moscow City Court on June 19, 2017, in Case No. 10-8920 / 2017]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=886138#01775326010917384>